

АЛЕКСАНДР ШЕВЦОВ

НАСТАВНИЧЕСТВО

НАСТАВНИК

Наставничество

Александр Шевцов

Наставник

«Издательство Роща»

2026

УДК 159.922
ББК 919.88

Шевцов А. А.

Наставник / А. А. Шевцов — «Издательство Роща»,
2026 — (Наставничество)

ISBN 978-5-6050380-1-6

Книга была написана в ответ на запрос современного общества, озаботившегося темой наставничества. Начиная с краткого исторического экскурса в истоки такого явления, как наставничество, автор ищет ответы на вопросы «Что может сделать современный родитель для своего ребенка?» и «Как научить его побеждать?» Второй раздел книги - это сценарий деловой игры. Написан он в ключе фэнтези, но он ярко иллюстрирует главную задачу наставничества - пробуждение разума. Книга подойдет как для родителей, так и для всех тех, кто работает с детьми.

УДК 159.922

ББК 919.88

ISBN 978-5-6050380-1-6

© Шевцов А. А., 2026
© Издательство Роща, 2026

Содержание

От издательства	6
Наставник	7
Часть первая	9
История наставничества	9
Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Александрович Шевцов

Наставник

© Шевцов А., 2023-24

© Издательство «Роща», оформление, 2024

От издательства

В эту книгу вошли работы, написанные автором для разных целей на протяжении нескольких последних лет. В сущности, это Введение в искусство наставника.

Открывают книгу две статьи об античных истоках наставничества, объясняющие суть этого явления и в нашей культуре. Основные материалы были написаны в качестве методического пособия к практическим семинарам, которые проходили в 2023 году.

К их числу можно отнести и «Живую сказку», написанную в ключе фэнтези, но с задачей раскрыть внутренний мир наставника.

В совокупности, как мы надеемся, эти разнообразные материалы дают широкий охват понятия «наставник» для начинающего практика.

Для желающего овладеть наставничеством как деятельностью, особенно для желающего стать наставником собственным детям, полезно будет также просмотреть видеоматериалы обучающих игр, изданных¹ в издательстве «Росча».

¹ Сайт: roscha.zenclass.ru

Наставник

Сейчас в России возрождается интерес к наследию предков и ведется поиск утраченной мудрости. У нас больше нет мудрых стариков, не к кому обратиться за советом. Да и надобности в совете больше нет, поскольку весь Интернет переполнен советчиками. Можно найти советы на любой вкус, чтобы они подтверждали, что ты всегда прав...

Мы утратили само понятие мудрости, и утратили его основательно, не только в целом, но и по составлявшим его частям.

Наставничество было одной из таких частей. Старшие мужчины и старшие женщины в семье в трудные времена просто обязаны быть наставниками своим детям, чтобы обеспечить выживание семьи. Когда жизнь слишком легка и обильна, надобность в мудрости отпадает, потому что я выживу и без особого ума. Как все вокруг выживают.

Иногда безмозглым выживать даже легче, им не завидуют и их не травят...

Между тем жизнь показала, что все может измениться в одночасье, и вот ты уже внутри кары небесной, и всех, кто поверил, что можно жить бездумно, возвращают в лоно разума, попросту уничтожая. Этот способ поставить перед выбором думать или не думать с помощью войны, похоже, не осмыслился философами как свойство разума. Но взгляды.

Человечество в лице властителей своих дум постоянно возмущалось жестокостью человеческой природы, ее склонностью к войнам. И превозносило любовь и покой. Но как только человечеству удавалось установить мир в какой-то своей части, к примеру, в Европе, хотя бы на два-три поколения, как оно стремительно скатывалось в телесную жизнь. Все, что занимает мыслящий планктон, – это покой, секс в любых видах, еда и одежда. В итоге – явное поглупение, ведущее к истреблению дураков.

Это значит, что гомо сапиенс, если его оставить в покое и сытости, быстро начинает вырождаться, теряя именно разумность, и превращается в биологический вид, уничтожающий сам себя. Однополая любовь – это очевидный способ ограничить рождаемость, а значит, совсем не средство выживания.

Складывается впечатление, что разум был дан человеку затем, чтобы он достиг сытости и обилия и перестал думать, как если бы это и было вершиной биологической эволюции нашего вида. Однако то, что есть особи, которые продолжают думать и в сытости, показывает, что отупение – это свойство человеческой биомассы, но не разума. И мы перед выбором: либо подчиниться влечениям своей плоти, либо принять себя носителем разума или даже разумом как таковым и продолжать эволюционировать.

Вероятно, большинство тех, кто примет себя телами, будет либо уничтожено, либо вымрет другим способом. Планета будет сокращать численность человеческой популяции по мере истощения ресурсов. И однажды мы снова обнаружим себя живущими только тем, что выращиваем на своем клочке земли.

Вот тогда вопрос о выживании снова станет основанием, на котором строятся наши рассуждения, и опыт стариков станет цениться, как мудрость, обеспечивающая нам лучшую жизнь. Тогда тела утратят сытость, и разум вернет свои права.

Но что мешает нам научиться думать лучше, чем этого достаточно для выживания? Заказать пиццу по доставке может и идиот. Испечь пиццу самому – это уже задача! Понять, зачем мне разум, – задача для редких любителей подумать, поломать голову. Но вот задача понять, как скоро сытая и беззаботная жизнь кончится и придет беда – это именно то, зачем вообще стоит учиться думать. Это самое начало начал.

Что мы видим с очевидностью, если только позволим себе этот простой вопрос: как скоро кончится сытая жизнь? Мы вдруг прозреваем невидимое, мы начинаем прозревать законы и неизбежности этого мира.

Как скоро кончится сытая и беззаботная жизнь, сказать трудно, но очевидно, что однажды она кончится, как кончилась в тех странах, где сытость пришла раньше, чем у нас. И если она уже кончилась где-то, значит, до этого рубежа совсем не так далеко. Он может прийти в любой миг совсем неожиданно. Деятельное ворье ускорит обнищание России, и в один прекрасный день нам вдруг объявят, что все подорожало, и тепла и пищи больше на всех не хватает.

И что тогда?

Тогда мы окажемся среди тех, кто сначала громит магазины, в надежде запастись пищей, а потом вымирает. Но кто-то выживет. Выживет тот, кто подумает заранее. Прямо сейчас. И обеспечит себе возможность выжить. Себе и своему роду.

Кто это будет? Кому удастся выжить?

Очевидный ответ: тем, у кого будет такая возможность. А это значит, тем, кто ее себе обеспечит заранее, начав думать. Они и останутся носителями разума на земле. Остальные – биомасса и будут жить по законам биологии, по ним же будут плодиться и сокращаться в численности.

Биомассе думать не надо, за нее все решено на генетическом уровне. Игра богов велась не ради нее, игра богов велась ради тех, кто поднимется над биосом и примет себя воплощенным разумом.

Наставничество для них.

Потому что наставничество – это искусство пробуждения разума и привития привычки к наслаждению от его работы. Думать полезно, а думать хорошо – это редкое наслаждение! В итоге всех потрясений, которые уже начались на земле, этот мир либо будет уничтожен, либо будет принадлежать тем, кто умнее.

Часть первая

История наставничества

История наставничества настолько велика, что ее можно сравнивать только с историей всего человечества. Мы выжили именно потому, что одни поколения передавали опыт и знания следующим. Осознавали ли они себя при этом наставниками, совершенно неважно. Важно лишь то, что эта передача естественна, и те, кто не овладел наставничеством, просто вымерли.

Писать историю наставничества мне, пожалуй, не под силу. Это слишком большая тема. Поэтому я ограничусь тем, что достаточно для обоснования прикладной работы. А именно общим очерком наставничества и парой статей, которые были отчитаны мною на философских конференциях. Надеюсь, они дадут представление о том, насколько глубок и важен этот предмет.

Что же касается собственно наставничества в веках, то, пожалуй, нет смысла говорить общие фразы о том, как старшие или опытные, учат младших. Для современного человека гораздо важнее то, что имеющееся у нас понятие наставничества было воспринято нами из средневековой цеховой культуры, а впоследствии было приспособлено под идеологические задачи советской индустриализации.

Хотим мы того или не хотим, но приступая к деятельности наставника, мы либо исходим из того, как учили наставничеству в советской школе производственного обучения, либо опираемся на память крестьянского прошлого своих предков. Разница в задачах: крестьянское наставничество нацелено на обеспечение выживания семьи, советское – на выживание общества, а вот ремесленное – на личное выживание и достижение лучшей жизни.

В старину родители отдавали ребенка в ученики мастеру-ремесленнику, как в рабство, чтобы ребенок выжил, и мастер использует его почти как крепостного, пока тот не сможет создать шедевр и доказать, что сам стал мастером. После этого у него начинается хорошая, сытая и творческая жизнь.

Суть этого подхода можно почерпнуть из сказок типа «Ученик колдуна», к примеру, из «Хитрой науки» в собрании Афанасьева.

Хотим мы того или не хотим, но мы вынуждены признать принципиальную разницу между учителем и наставником. Учитель обязан передавать знания своим ученикам, и обязан это делать так, как предписывает государство. Собственно говоря, в этом и есть суть понятия «образование». Оно было создано в Пруссии в начале XIX века немецкими философами, вроде Фихте и Гумбольдта, чтобы смогла возродиться германская нация.

Суть терминов, использовавшихся ими, – *imbildung* и *informung* – «введение в образ», «придание образа». Какого? Того, который был нужен государству, чтобы возродить разбитый и униженный народ, каким немцы стали после поражения 1806 года. В итоге мы знаем немцев такими, каких уважаем и считаем примером порядка и дееспособности.

Образование – это то, что государство хочет иметь в качестве винтиков своей машины. Поэтому учителя передают те знания, которые посчитали нужными в Министерстве образования для нужд государства. Иногда там считают, что винтиков в России нужно воспитывать для работы в американской машине, и тогда образование становится таким, что готовит одних, чтобы умели обслуживать ресурсы, а других, – чтобы хотели уехать в лучшее место, где их ждет работа у конвейера. Скажем, в качестве программиста.

Наставник не передает знаний, нужных государству. Он учит выживать, и выживать именно там, где ты живешь. Где родился, там и пригодился – так говорили в старину. Он учит чувствовать, что нужно потребителям его труда, учит бережливости и продуманности.

Поэтому обучение у наставника – это овладение не знаниями, а орудиями выживания, что не мешает достичь в этом деле состояния художника.

Очевидно одно: наставник исходит из тех условий, в которых ты оказался, и поэтому учит видеть и беречь свой мир, потому что именно он источник нашей жизни. Конечно, можно быть наставником в любом деле, хоть в том, как сбежать из своей страны ради лучшей и более легкой жизни. Однако народная мудрость от добра добра не ищет. И пример тех, кто сбежал недавно в Израиль, очень показателен. Предполагаю, что скоро подобное откровение посетит и сбежавших в другие страны.

Хорошо там, где нас нет! А здесь, где мы есть, хорошо лишь тем, кто подумал, построил себе хорошую жизнь и научился ее защищать. Россия – богатейшая страна мира. Плохо в ней будет лишь в том случае, если мы снова впустим варягов и доверим им управление своими богатствами.

Поэтому история наставничества сделала петлю и вышла на новый виток спирали: задача наставничества в современной России снова смещается от крестьянского и ремесленного выживания к выживанию народом и государством, а значит, к воспитанию тех, кто сможет быть хозяевами в собственной стране.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...

Наставникам, хранившим юность нашу, посвящен этот разговор. Но я бы хотел задаться вопросом: что значили эти слова для самого Пушкина, что сам Пушкин понимал под наставничеством? И в каком произведении он выразил свое понимание? Вот это я бы и хотел найти в своем маленьком исследовании.

«Словарь языка Пушкина» однозначно свидетельствует: он знал два слова для передачи этого понятия. В «Арапе Петра великого» и в «Капитанской дочке» он использует слово «ментор». В остальных случаях, а они гораздо обильнее, он использует слово «наставник» и его производные.

Ментор уводит нас к Гомеру и его влиянию на воспитание европейской молодежи. Ментор – это имя друга Одиссея, которому, уезжая под Трою, Одиссей поручает заботы о сыне. То, как Ментор сопровождает и наставляет юного царевича, стало архетипом наставничества в европейской культуре.

Однако слово «ментор» стало нарицательным лишь в XVIII веке, после появления романа Фенелона «Приключения Телемака» в 1699 г. Греки ко времени Гомера очень хорошо владели наставничеством, источники свидетельствуют, что этот вид культурного поведения был глубоко разработан в ту эпоху. Но они не знали слова «ментор».

Как не знали его и наши предки, скажем, в то время, когда вещей Олег опекал малолетнего Игоря. Но знали слово «уй» или «дядька» в значении наставника, хранящего юность наследника. Дядьки дожили у нас до конца эпохи дворянства.

Как ведет себя дядька? Как описал его Пушкин в «Капитанской дочке». Или как гофмейстер в Европе. Вернер Йегер в исследовании, посвященном греческой педагогике, дает такое описание того, как видит наставничество Гомер:

«В следующих песнях Афина, от которой, как верит Гомер, исходит божественное вдохновение, обещающее делам удачу, является в образе еще одного старшего друга, Ментора, который сопровождает Телемаха в его путешествии в Пилос и Спарту. <...> Ментор недреманным оком следит за каждым шагом своего подопечного и в любой ситуации оказывается рядом, помогая поучениями и советами.

Он наставляет юношу относительно правил поведения в обществе, где тот, будучи еще неуверенным в себе, попадает во все новые трудные ситуации» (Йегер, с. 58).

Как видим, для грека наставничество – это одно из тех важнейших дел, которому людей учили боги, наряду с пением, медициной, ремеслом, охотой и верховой ездой. Иначе говоря, это дела демиургов. Но вот любопытная деталь: демиургия – это то, чем занимается ремесленник. И это важно, потому что наставничество – это всегда обучение какому-то ремеслу или искусству – технике по-гречески. Его можно было бы изучать по средневековой цеховой культуре. Но не в случае Пушкина!

Чтобы понять его, нам придется глубже заглянуть в истоки, следуя шаг за шагом за развитием гения.

Известно, что с Гомером Пушкин познакомился еще до лица, лет в девять. Но что это мог быть за Гомер? Один из русских переводов, вроде Ломоносовского? Скажем, прозаический перевод Кондратовича или Мартынова? Или перевод Кострова, выполненный александрийским стихом? Возможно, Пушкин читал Гомера на французском.

Греческого он не знал, зато любил Вольтера. И поэтому в своих первых оценках Гомера он, следуя за Вольтером, как Онегин, бранил Гомера, Феокрита... Но постепенно понимание Пушкина менялось, а после выхода переводов Гнедича его смущенная душа начала чують тень великого старца...

А вместе с этим менялось и пушкинское понимание наставничества. С понимания наставника как дядьки, гофмейстера, ментора, который учит недоросля манерам и вводит в общество благородных людей, он начал прозревать то, что видели греки, когда говорили, что сквозь ментора проливается вдохновение богини.

Но что видели греки?

Для нас самый понятный образ того дядьки, который водит ребенка в школу, – это педагог. Но педагог – это раб, и поэтому он ничему не может учить отпрыска благородного семейства. И это не единственная помеха. Дело в том, что само слово «педагог» известно лишь с V века. А наставничество описывает уже Гомер.

Наставник во времена Гомера звался дидаскал. Что это такое?

Само слово известно с микенской поры в записях на глиняных табличках линейным письмом. Уже для того времени исследователи предпочитают считать, что дидаскалы обучают ремеслу. Но «из табличек неясно, к какой области или группе навыков относятся эти наставления» (Роджерс, с. 70).

Мы можем судить о том, что делает дидаскал, по произведениям Гомера и близкой к нему поры. И обнаруживаем, что, в первую очередь, его задача – обучить благородного юношу правильному обращению с незнакомцами. Это, безусловно, объясняется тем, что в облике незнакомца в дом может прийти и бог. И сами дидаскалы так же бродили от двора ко двору, принося с собой различные важные знания.

Это была целая социальная прослойка древнегреческого общества – прорицатели, врачи, плотники и певцы, аэды, которые обладали особыми навыками в своих искусствах, то есть техне. Что важно в этих навыках: они не были врожденными, им можно было обучать.

У всех этих искусств был источник, некто в начале начал, от которого можно было выводить передачу, как родство с героем или царем. Кентавр Хирон учил Ахиллеса искусству медицины, Афина и Гефест обучали смертных ремеслам. Аполлон, как рассказывается в «Одиссее», обучает Демодока «путям песни». Гермеса благодарят в гомеровском гимне «К Гермесу» за то, что он изобрел слово и обучил ему людей, которые без этого вели бы звериный образ жизни.

В определенном смысле дидаскал той поры приравнивается к демиургу, как звали ремесленника. То есть к искусству того, кто делает вещи. Но вот вопрос: что за ремесло было в основе всего и что за вещи творит дидаскал? Здесь нас ждут неожиданные открытия.

В том же гимне «К Гермесу» рассказывается, что новорожденный Гермес передает Аполлону лиру, в сущности, обучив его тому делу, которое станет главным для мусагета в классический период. За это Аполлон, в ответ на просьбу Гермеса научить его прорицанию, дарит Фрий, которых исследователи называют Сестры-пчелы.

При этом он объясняет, что не может научить тому, как читать мысли Зевса, поскольку дал страшную клятву. Зато научит малому прорицанию, которому сам учился в детстве у этих сестер.

*«Некие Фрии на свете живут,
урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои
веселятся те девы.
Трое числом. Волоса их посытаны
белой мукою.
А обитают они в углубленьи
Парнасской долины.
Там обучая гаданью.
И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам.*

*Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места
на место проворно летая,
К сотам они приникают
и каждый дотла очищают.
Если безумством зажгутся,
поевши янтарного меда,
Всею душою хотят говорить
они чистую правду»*

(К Гермесу. 352-60).

Как бы ни пренебрежительно относился Аполлон к этому виду гадания, очевидно, народному, но первый храм в Дельфах, где он основал свое прорицалище, убив Пифона, был сделан из воска... И это наводит нас на мысль о меде поэзии.

Аполлон не мог стать водителем муз, пока не овладел арфой, то есть до рождения Гермеса. Но если Гермес изобретатель слова, то и музы Аполлона не могли стать музами ни одного вида поэзии. Как не могли без слова родиться и прорицания.

Именно про Фрий в гимне сказано, что они дидаскалы, поскольку обучают гаданию. И это однозначно связывает в единое три искусства: слова, песни и прорицания. Уже в древности греки связывали наставничество с поэзией. Так, у Гераклита поэт Гесиод назван дидаскалом многих людей (D-K В-57). В другом фрагменте (D-K В-104) он прямо сопоставляет дидаскала и поэта:

«Ибо где у них ум и где разум? Песни холопов горланит один, словно наставник (διδασάλω) вещает другой...».

Эта связь рапсода, аэда и дидаскала была подмечена многими исследователями (Хэвлок, 1963, Форд, 2002), но лучше всего ее выразил Брэтт Роджерс:

«Но эти ранние описания уже изображают διδασάλω как фигуру, вовлеченную в рассуждения о прорицании и особенно о поэзии» (Роджерс, с. 89).

Как сказал Аристофан в «Лягушках»: «Малых ребяток наставляет учитель (διδασάλω) добру и пути, а людей возмужавших – поэты» (Аристофан 1054–1055).

Но что такое поэт для древнего грека? И что такое поэзия?

Поэзис этимологически образован от древнегреческого термина ποιεῖν, что означает «делать». Поэтому современные словари древнегреческого языка определяют Ποιησις (ποιεω) как делание, приготовление, создание, произведение, постройку, а также творение поэта, сочинение, стихотворство, поэзию.

Иными словами, поэзис – это работа демиурга, творящего некие вещи, подобно ремесленнику. Но ведь это не такие вещи! Смею сделать предположение, что это такие вещи, которые еще не переданы богами людям. Поэтому поэт, подобно Гермесу, оказывается посредником между богами и людьми в творении тех вещей, которые еще не открылись человеку, ибо истина для грека – это сокрытое!

Об этом лучше всего сказал Хайдеггер в рассуждении, посвященном технике. Технике от греческого техне, то есть искусства. Если мы вчитаемся в определение поэзиса, то узнаем в нем описание ремесла. Это как бы одно и то же для грека. Вот только ремесло поэзиса – это не просто изготовление вещей, потому что среди значений слова ποιεω обнаруживаются непростые: сотворить, совершать жертвоприношение, приносить жертву... Совершается в честь бога...

Но Хайдеггер идет не от этого, он отталкивается от одного высказывания Платона из «Пира». В нашем академическом переводе Апта оно звучит так, что поэту в нем нет места, как, впрочем, и Платону:

«Ты знаешь, творчество – [понятие] широкое. Все, что вызывает переход из бытия в небытие – творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их – творцами» (Платон, 205с).

Хайдеггер исходит из этого утверждения Платона, но в оригинале оно звучит совсем иначе. Переводя Хайдеггера, Владимир Бибахин сделал свой перевод этого места. Он гораздо ближе к Платону:

«Всякий повод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть Ποιησις, произведение» (Хайдеггер, с. 224).

И уж если быть последовательным, то стоит привести и то, как завершается этот отрывок в оригинале: *все демиурги – поэты.*

Платон говорит о выводе произведения из несуществующего, Хайдеггер – из потаенного:

«Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности...» (т. ж., с. 225). «Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное» (т. ж., с. 224).

Что это за потаенное? Это то, что мы бы назвали истиной в смысле истины Павла Флоренского, того, что есть в действительности. А греки называли алетейей. «А» – это отрицание летеи, сокрытости или потаенности на языке Хайдеггера. Поэт, называя нечто, дает ему имя, и оно перестает быть неведомым, сокрытым, я бы даже сказал невидимым для остальных людей.

Если уж быть до конца точным, то летея греческой истины этимологически производна от Леты, реки забвения. Сокрытие-забвение возможно лишь в том случае, если до какого-то мгновения нечто было тебе доступно, даже известно, но вот забылось или было перекрыто в твоей памяти воздействием реки забвения. Когда это происходит? Когда мы приходим в этот мир.

Воплощаясь, человек забывает все, что знал в мире душ, на Небесах, где живут бессмертные идеи. Но кому-то дано проникать мыслью сквозь эту преграду и добывать из того мира идеи вещей. Именно эти особо одаренные люди становятся прорицателями и поэтами, потому что они творят образы, которым ремесленники дают жизнь в нашем мире. Именно их называют дидаскалами, наставниками, хранящими наши души.

Но как достичь такого уровня?

Пушкин сказал. И я считаю, что сказал он это именно тогда, когда понял, что такое действительный наставник.

Перевод Гнедича вышел в 1825 году. А в 1828 Пушкин, в душе которого теперь звучит божественная эллинская речь, пишет «Пророка». Событие «Пророка» сопоставимо с тем, что пишет Хайдеггер о событии произведения, оно рассказывает о том, как потаенное переходит в непотаенное. Теперь мы знаем, что это случается с теми, кто достигает мрачной пустыни, подобной чистилищу Данте или полям между Коцитом и Ахероном в Аиде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.